

УДК 778.5.04 + 7(097)

Сериалы и религия: компаративный структурный анализ и проблемы транзитивности*САЛТАНОВ С. С.***Аннотация**

В современном мире религия стремительно теряет влияние, в то время как сериалы завоевывают все большую популярность у широких масс. Теперь эти институции вовлечены в сражение за аудиторию — ее внимание, время, деньги. Достаточно ли у них общего, чтобы сравнивать возводимые ими структуры и методы, которые они используют для достижения популярности? Могут ли сериалы породить новую религию или сами стать религией? Может ли религия использовать сериал как новую форму проповеди и может ли религия восприниматься как сериал? Гиперсубъективистские методы структурного анализа текста позволяют нам построить релевантную модель такого взаимодействия.

Ключевые слова

сериал, религия, ритуал, транзитивность, социальная практика

TV-Series and Religion: comparative structure analysis and transitivity issues*SALTANOV S. S.***Abstract**

In contemporary world religion loses its influence of any kind while TV-series gain growing supporters' base. Now those institutions struggle for the public — its attention, time, money. Do they have enough in common to compare structure they established and methods they use to achieve popularity? Can TV-series give birth to a new religion or become a new religion itself? Can religion use TV-series as a new modus of preaching or can religion be treated as kind of TV-series? HyperSubjective methods of structure text analysis allow us to built a relevant model of such an interaction.

Key words

TV-series, religion, ritual, transitivity, social practice

Система социальных институтов устроена таким образом, что ее конкретные фигуранты стремятся сохранить и по возможности упрочить свое положение, усилить влияние на общественную жизнь в целом. Принято считать, что в последние века религия, именно как социальный институт, стала играть заметно меньшую роль в обществе — будь то область мотиваций, в первую очередь моральных, политическая активность, затраты времени на религиозную деятельность и т.п. Телевизионные сериалы, напротив, находятся на пике своей популярности, охватывая невиданную ранее аудиторию, включающую в себя лидеров мнений и те слои, которые претендуют на определение магистральных направлений развития культуры в целом. Сериалы уже являются поставщиком наиболее релевантных шифтеров, выступающих в качестве как привычного shortcut для упрощения объяснительной модели, так и средства идентификации «своих» — таким образом, индивид, не вовлеченный в просмотр сериалов, в наши дни обречен оставаться на периферии общего пространства коммуникации. Религия исторически также поставляла культуре

шифтеры разного рода, поэтому на уровне заимствования образов, персонажей, лексики пересечения между сферой религиозного и содержанием сериалов будут достаточно заметными⁸. Тем не менее, мы откажемся от выявления подобных семантических параллелей, будь то прямые заимствования или переосмысление специфически-религиозного субстрата создателями телесериалов, а также попытки выстраивания ими собственно-религиозных систем⁹. Общий анализ такого рода едва ли возможен (в связи с колоссальным объемом произведенного телестудиями материала), а разбор лишь одного или некоторых источников не даст требуемой полноты картины. Поэтому мы сосредоточимся на определении родства и различий феноменов «религии» и «телесериала» на структурном уровне, а также уделим внимание проблеме возможной транзитивности этих феноменов.

Ключевые социальные процессы последних десятилетий, такие как виртуализация коммуникативных процессов, индивидуализация и приватизация информации и средств верификации, инфантилизация общества в целом, значительное ускорение ритма жизни, оказывают влияние на все сферы общественной жизни. Хорошо изучено их влияние на трансформацию актуальной религиозности, но стоит заметить, что и телесериалы также изменили свой модус с течением времени. В связи с этим нам представляется адекватным говорить не просто о взаимоотношениях и взаимовлиянии сферы религиозного и корпуса телесериалов, но о формировании двух пар феноменов, «классическая религиозность» — «классический сериал» и «современная религиозность» — «современный сериал» соответственно. Перекрестное сопоставление элементов этих пар («классическая религиозность» — «современный сериал» и «современная религиозность» — «классический сериал») будет некорректным, поскольку эти элементы соответствуют не просто разным эпохам, но и разным типам сознания, разным ценностным системам, etc. И если различие классической и современной религиозности в большей степени очевидно, то изменение ткани сериального повествования требует, на наш взгляд, отдельного упоминания.

Первое и главное отличие — в отношении континуальности: классический сериал предполагает длительный, по возможности непрерывный процесс съемки и транслирования, в то время как современный тип определяет четкое деление по сезонам, в каждом из которых число серий может быть ограничено весьма небольшим количеством. Отсюда и принципиально иное отношение к массовости производимого продукта: успешность (или неуспешность) сериала определяется намного быстрее, а количество наименований продукции существенно возрастает. Таким образом, производство новых сериалов становится своего рода «метасериалом» со всеми присущими этому феномену атрибутами, в котором в качестве «серии» выступает проект в целом. И, разумеется, к этому процессу применима та же «претензия», характерная для предшественников феномена телесериала даже из «дотелевизионной эры» (как, например, т. н. «романы с продолжением»); суть ее состоит в том, что необходимость и/или желание продолжать процесс производства, чаще всего инспирированные меркантильными соображениями, довлеют над естественным смыслопорождением. Иными словами, коммерческие интересы двигают сюжет в сторону развития, а не любопытные сюжетные перипетии находят отклик (в том числе и монетаризируемый) у зрителя. Впрочем, в условиях привязанности массового зрителя к сериалу вообще, как к форме организации кинопродукции и модуса времяпрепровождения в целом, а также с учетом многообразия и множественности производимой сериальной продукции, при утрате интереса зрителя (зрителей) к отдельному сериалу стоит ожидать их переключения на другой сериал, а не на иные формы активности. Второе, не менее важное различие классического и современного сериала кроется в трансформации парадигмы его потребления. Парадоксально, но в значительной степени телесериал перестал быть продуктом, жестко привязанным к телевидению — значительная доля не только сопутствующей активности,

⁸ Впервые данная проблематика рассмотрена нам в работе [1]. — Прим. авт.

⁹ Подробнее о категориях «собственно-религиозное» и «специфически-религиозное» см. [2]. — Прим. авт.

но и непосредственно просмотра телесериалов сегодня приходится на интернет-сегмент, легальный и не только. Кроме того, размывается сам подход к потреблению сериалов: чаще всего структурной единицей просмотра становится не серия, а целый сезон, что критически сказывается на отношении реципиента к оценке времени, посвященного телесериалу, как в количественном, так и в качественном аспекте.

Наконец, расширяется аудитория телесериала, он переходит из разряда стигматизированного «зрелища для домохозяек», «имитации и симуляции реальности» в категорию определяющего жанра массовой культуры. В числе причин роста значимости телесериала в культуре можно назвать уже упоминавшуюся выше инфантилизацию общества. Существует и генеральная тенденция замещения текстуальных форм искусства визуальными, не в последнюю очередь из-за сокращения временных и мыслительных затрат на рецепцию визуального изображения по сравнению с текстом. Соответственно, мутируют и сценарии использования сериала в качестве трансгрессивных практик, мотивации к их просмотру и общая оценка зрителем; обновленная публика переоценивает феномен сериала и встраивает его в свою ценностную систему. Аналогично меняется и отношение к сфере религиозного — отказ от классической модели, индивидуализация целей и задач при обращении к религии, множественность предложений на religious market¹⁰ расширяет аудиторию потребителей религиозных услуг. Существенным отличием здесь следует признать то, что на уровне терминологии «телесериал» сохраняет свое единство, тогда как современные религиозные практики используют различные дефиниции для самоопределения. Важно также заметить, что современный подход к производству телесериалов не подменяет собой классический с полной мерой, но дополняет его, конкурирует с ним, является более актуальным, но не единственно актуальным, даже с учетом описанных выше социальных метаморфоз. В отношении религии этот тезис также релевантен, хотя и в несколько меньшей степени.

В качестве последнего предварительного замечания напомним т. н. «рабочее определение религии», которым мы оперируем в своих исследованиях: «религия суть система взаимоотношений человека с трансцендентным». В нем мы концентрируем внимание на следующих аспектах: системность, т. е. достаточно жесткая, определенная структура взаимоотношений; сама взаимность этих отношений, наличие двустороннего, встречного движения, как на уровне интенций, так и на уровне смыслов; обязательная личностная вовлеченность, антропологическая перспектива (впрочем, «человек» здесь не равно «индивид»), но в то же время и перспектива сверхъестественная, с ощутимой границей между ними. Ключевым для религии является вопрос организации времени. В рамках классической религиозности определяющей моделью времени является циклическая, наиболее важны годовые и дневные циклы, менее актуальны недельные и месячные. Наконец, для религиозного подхода крайне важно понятие «праздника» (согласно классической этнографии), мы в последние годы оперируем термином «выключенное время». Этот временной промежуток представляет собой переходный этап (фактически, это время, зарезервированное под обряды перехода) и характеризуется изменением модуса поведения на прямо противоположный обычному, регулярному поведению (например, ритуальное поедание / уничтожение запасов продовольствия). Нетрудно заметить, что такая модель адекватно экстраполируется на классическую парадигму просмотра сериалов. Распорядок дня любителя классического сериала (в обыденном сознании это, в первую очередь, домашние хозяйки) организуется в прямой зависимости от сетки телепередач, подстраивается под нее, а сам просмотр представляет собой отличный пример того, что мы определили как «выключенное время»: необходимость присутствия перед телевизором во время трансляции диктует отрешение от домашних дел и воспринимается как «отдых», а порой и как «единственная радость».

¹⁰ Религиозный рынок (англ). — Прим. ред.

При современном подходе к потреблению сериалов, разумеется, может сохраняться преемственность с классической моделью, но уже на уровне рационального выбора. Каждодневный просмотр сериала, в особенности по одной серии (но и в иных вариантах), становится сознательно конструируемым ритуалом, в большей степени носящим социальный характер, поскольку момент коммуникации с трансцендентным в нормативной ситуации отсутствует. Периодичность здесь может варьироваться, «сериальный ритуал» может становиться частью не дневного, а недельного цикла (например, переноситься на выходные дни). В том случае, если в просмотрах сериала отсутствует зримая регулярность, их можно сопоставить с религиозной деятельностью *on demand*¹¹ — более или менее спонтанным участием в ритуалах, не завязанным на религиозные циклы¹². Трансгрессивный эффект от таких практик достигается на личностном уровне, а не за счет чувства сопричастности религии вообще или даже конкретной религиозной организации, что также отвечает представлениям о приватизации и индивидуализации религии и религиозного опыта. Но в случае с просмотром телесериала эта трансгрессия не имеет выраженного религиозного характера, задействуются имманентные механизмы человеческой психики, в первую очередь — помещение актора в знакомый контекст повседневного успешного действия.

Не менее важным, чем проблема организации времени, следует признать вопрос подхода к пространству в религии. Здесь необходимо отметить двойственность представления о сакральном пространстве. Во-первых, сакральное пространство — это место встречи двух миров, ограниченный локус для ритуала перехода, присутствие сакрального в профанном. Во-вторых, это собственно сакральное пространство, трансцендентный мир, к которому устремлены мысли и чаяния верующего; возможность его достижения при жизни решается по-разному в различных религиозных традициях, но оно всегда присутствует в картине мира (не ограничивающегося миром имманентным, см. выше) в качестве цели. Нетрудно заметить, что эта двойственность сохраняется и в отношении практики просмотра телесериала. Помимо особого времени, выделенного для просмотра (по воле составителей телеэфира или лично фаната сериалов), формируется и особое пространство — будь то место перед телевизором или манера приспособить портативную технику (ноутбук, планшет, телефон). Это пространство нередко наполняется особой атрибутикой (в том числе регламентированной пищей/напитками), предметы (да и сам человек) располагаются в особом порядке, важном для полноты мировосприятия. Особо следует сказать о практике просмотра телесериалов в общественном транспорте (в первую очередь, в метрополитене). При наблюдении становится очевидным, что такой зритель не в меньшей степени стремится очертить для себя особое, отдельное время и пространство и просмотр телесериала выступает здесь одновременно и средством, и целью. Данная индивидуальная трансгрессивная практика в духе эскапизма вполне сопоставима с индивидуализированным религиозным ритуалом, также наделенным терапевтической функцией для отдельного индивида, а не конфирмацией сопричастности общей традиции.

Также подлежит нашему рассмотрению то пространство, которое формирует своей образной системой и сюжетными ходами сам сериал. Оно принципиально трансцендентно зрителю, исходя хотя бы из того факта, что проникновение в него опосредовано техническими средствами (телевизор, портативная техника). Подчеркивается эта трансцендентность весьма ограниченной и по сей день интерактивностью телесериала (хотя определенная обратная связь зрителей с создателями сериала, безусловно, существует). Эта модель восприятия, деклассирование зрителя до пассивного наблюдателя, как это ни покажется странным, резко отличает коммуникативную парадигму сериала и религии — для последней, как мы подчеркивали выше, критически, определяющее важным является двусторонняя коммуникация

¹¹ По запросу.— Прим. ред.

¹² Посещение храмов и иных сакральных и сакрализованных пространств, религиозные практики, имеющие молитвенный или покаянный характер, на текстовальном или телесном уровне, покупка и использование религиозной литературы и атрибутики etc.— Прим. авт.

между человеком и трансцендентным (безотносительно его субъектности). Ситуация же, сравнимая с нормативным положением любителя сериала по отношению к самому сериалу и процессу его создания, маркируется как тотально негативная — «богооставленность», сопровождающаяся сломом моральных устоев («если Бога нет, то все дозволено») — и влечет за собой радикальные меры, направленные либо на восстановление разрушенного миропорядка (вплоть до человеческих жертвоприношений), либо на конструирование новой идентичности (например, так называемое «безрелигиозное христианство»). Насколько пространство сериалов может быть соотнесено с сакральным? Мы отмечаем увеличение доли сериалов с фантастической или мистической компонентой за счет реалистических сюжетов. Этот процесс характеризуется также переходом от сопереживания героям (за счет позитивного переноса) к сугубо развлекательным мотивам для просмотра, что также может быть следствием инфантилизации общества. Впрочем, в отстраненности сюжета от реальности кроется и потенциал для формирования религиозной традиции.

Нельзя не упомянуть об отношении обоих рассматриваемых институтов к процессу формирования сообщества. Для классических форм религиозности ритуал не может не быть коллективным, ведь его цель — сохранение или восстановление должного миропорядка, что по определению является задачей всего общества в целом. В то же время просмотр классического сериала — активность, едва ли выходящая за пределы одной семьи, а его обсуждение — практика микросообществ (в первую очередь, женских). Виртуализация коммуникативных процессов в корне меняет картину. Религия при этом децентрализуется, снижается роль коллективных практик, утрачивается роль и значение нормативных сакральных локусов, растет многообразие форм и, в особенности, содержаний религиозного опыта. В то же самое время, сторонники сериала, напротив, объединяются в устойчивые (пусть и виртуальные) сообщества, инициируют обсуждение, сопоставимое с утверждением религиозной ортодоксии, наконец, прямо или косвенно влияют на процесс продолжения съемок, формирование сюжета, поддерживают или отвергают его результаты. Не рискуя назвать это расхождение единственной причиной, все же отметим явную корреляцию: авторитет религии снижается, популярность сериалов растет. И здесь самое время перейти к проблеме транзитивности: может ли сериал стать религией? Должна ли религия, чтобы соответствовать требованиям времени или просто выжить, принять форму сериала?

Современные формы религиозности могут обладать определенными характерными чертами сериала. Так, в некоторых деноминациях, генетически восходящих к протестантизму, реализована концепция т.н. «продолжающегося откровения» [3, 71–72], в рамках которой новые воззрения, продиктованные или подтвержденные через механизм откровения, могут дополнять или даже отменять предшествующие установки. Это новое откровение по определению реактивно, реагирует на изменившуюся социальную или религиозную ситуацию, но при этом не является продуктом рефлексии, относящейся к человеку, но претендует на высшую степень верификации непосредственно трансцендентным источником. Если представить данный процесс в виде обращения к оракулу по значимым поводам, трансляция такого откровения вполне может быть соотнесена с естественным аналогом сериала — как для приверженцев данной конфессии, так и для критически настроенного внешнего наблюдателя. Также ряд течений эсхатологического толка (предвещающих скорый конец света) сталкиваются с проблемой, хорошо известной создателям сериалов: необходимостью продолжать производство продукта, после того, как в сюжете была поставлена зримая точка. Некоторые из этих движений (как и некоторые сериалы) с честью выходят из подобной ситуации, иные заканчивают свой жизненный цикл. Приведенные нами примеры, хотя и относятся к современности, все же остаются локальными (и ненамеренными в том, что касается прямого заимствования) вариантами адаптации религии к реалиям сериала. В целом же

религия (особенно традиционные ее формы) остается достаточно консервативной структурой, не всегда склонной к экспериментам с формой ради соответствия конъюнктуре и достижению «успеха» в виде сохранения и увеличения количества адептов или получению материальных благ.

В свою очередь, телесериалы в настоящее время часто провозглашаются «новой религией». Но с точки зрения приведенного нами рабочего определения это сопоставление некорректно. Главное здесь, безусловно, отсутствие элемента трансцендентности. Телесериал является продуктом труда многих людей, а не результатом откровения (что легко допустимо, скажем, для текстуальной продукции). Без трансцендентного элемента немислима модель коммуникации, подразумевающая переход через границу сакрального и профанного. Наконец, структура взаимоотношений между зрителем и сериалом, хотя и жестко структурирована, все же отличается от аналогичной модели для религии и ее последователей. Значит ли это, что отдельный телесериал сам по себе неспособен породить религиозную традицию? Хотя конкретные случаи нам неизвестны, можно попытаться аналитически сконструировать варианты подобной трансформации. Во-первых, сериалы фантастической направленности или посвященные религиозной тематике могут восприниматься как своеобразный извод той традиции, которую они репрезентируют. Во-вторых, дабы обойти тезис о принципиальной антропогенности сериала, его можно воспринять в конспирологическом ключе, как некое откровение, зашифрованное съемочной группой, являющейся, таким образом, первичным религиозным сообществом носителей данного откровения. Приведенные сценарии, хотя и выглядят достаточно умозрительными, вполне могут быть реализованы на стыке двух разнонаправленных процессов: попыток религии сохранить свое присутствие в общественном пространстве за счет адаптации к новым, актуальным формам проповеди и встречного движения телесериалов в сторону аккумуляции максимума возможных способов и рычагов воздействия на общественное сознание для достижения максимального влияния на общество в целом. Пока же следует заметить, что телесериалы и религия как разные формы организации «свободного времени» и содержательно различные варианты трансгрессивных практик скорее находятся друг с другом в отношениях конкуренции, причем на настоящий момент позиция телесериалов представляется нам более выигрышной.

Литература

1. Салтанов С. С. Fiction Text in HS Religious Studies // VIII Круглый Стол Московского Религиоведческого Общества. Тезисы докладов. М., 2009 С. 25–26
2. Салтанов С. С. Специфически-религиозное в прозе А. П. Чехова I периода // Молодые исследователи Чехова. Вып. 6. М., 2009. С. 70–85.
3. Салтанов С. С. Символы Веры Церкви Иисуса Христа Святых последних дней: опыт комплексного анализа // Религиоведческие исследования = Researches in Religious Studies. 2015: № 1 (11). М., 2015. С. 58–78.

References

1. Saltanov S. Fiction Text in HS Religious Studies // VIII Kruglyj Stol Moskovskogo Religiovedcheskogo Obshchestva. Tezisy dokladov. [Fiction Text in HS-Religious Studies // Papers of MSSR Conference YII Moscow MSU].— М., 2009. P. 25–26.
2. Saltanov S. Specificheski-religioznoe v proze A.P. Chekhova I perioda // Molodye issledovateli Chekhova. Vyp. 6. [Obviously-Religious in Chekhov's I period Short Prose // Young Chekhov Study Researchers vol.6 Moscow ed. R. B. Akhmetshin "Melikhovo". No 6.]. 2009. P. 70–85
3. Saltanov S. S. Simvoly Very Cerkvi Iisusa Hrista Svyatyh poslednih dnei: opyt kompleksnogo analiza // Religiovedcheskie issledovaniya = Researches in Religious Studies. [The Articles of Faith of the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints: experience of complex analysis // Researches in Religious Studies]. М. 2015: № 1 (11). P. 58–78.